

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ

В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 25, ст. 2954; 2022, N 10, ст. 1389; N 1, ст. 27, 2954; N 29, ст. 5222; 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 30, ст. 3020, 3029; N 44, ст. 4298; 2003, N 27, ст. 2700, 2706; N 50, ст. 4847; 2004, N 27, ст. 2711; 2005, N 1, ст. 13; N 23, ст. 2200; 2006, N 28, ст. 2975, 2976; N 31, ст. 3452; 2007, N 1, ст. 46; N 24, ст. 2830, 2833; N 49, ст. 6033; N 50, ст. 6248; 2009, N 1, ст. 29; N 11, ст. 1267; N 44, ст. 5170; N 52, ст. 6422; 2010, N 1, ст. 4; N 15, ст. 1756; N 19, ст. 2284; N 21, ст. 2525; N 27, ст. 3431; N 30, ст. 3986; N 31, ст. 4164, 4193; N 49, ст. 6412; 2011, N 1, ст. 16, 45; N 15, ст. 2039; N 23, ст. 3259; N 30, ст. 4598, 4605; N 45, ст. 6322, 6334; N 48, ст. 6730; N 50, ст. 7361, 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 24, ст. 3071; N 30, ст. 4172; N 31, ст. 4330, 4331; N 47, ст. 6401; N 49, ст. 6752; N 53, ст. 7637; 2013, N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3442, 3478; N 30, ст. 4031, 4050, 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6945; 2014, N 6, ст. 556; N 19, ст. 2303, 2310, 2333, 2335; N 23, ст. 2927; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4219, 4259, 4278; N 48, ст. 6651; 2015, N 1, ст. 81, 83, 85; N 6, ст. 885; N 10, ст. 1417; N 21, ст. 2981; N 29,

ст. 4354, 4391; 2016, N 1, ст. 61; N 14, ст. 1908; N 18, ст. 2515; N 26, ст. 3868; N 27, ст. 4256, 4257, 4258, 4262; N 28, ст. 4559; N 48, ст. 6732; N 52, ст. 7485; 2017, N 15, ст. 2135; N 24, ст. 3484, 3489; N 31, ст. 4743, 4752, 4799; N 52, ст. 7935; 2018, N 1, ст. 51, 53, 85; N 18, ст. 2569, 2584; N 27, ст. 3940; N 31, ст. 4818; N 47, ст. 7134; N 53, ст. 8435, 8446, 8456; 2019, N 14, ст. 1459; N 30, ст. 4108, 4111; N 44, ст. 6175; N 52, ст. 7818; 2020, N 8, ст. 919; N 14, ст. 2030; N 15, ст. 2235; N 42, ст. 6515; N 44, ст. 6894; N 50, ст. 8070; 2021, N 9, ст. 1472; N 13, ст. 2135; N 24, ст. 4233; N 27, ст. 5069, 5109, 5113) следующие изменения:

- 1) Статью 128.1 признать утратившей силу;
- 2) Статью 207.3 признать утратившей силу;
- 3) Статью 280.3 - признать утратившей силу;
- 4) Статью 284.1 признать утратившей силу;
- 5) Статью 284.2 - признать утратившей силу;
- 6) Статью 330.1 - признать утратившей силу

Статья 2

Внести в Федеральный закон от 12 июня 2002 года N 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 24, ст. 2253; 2003, N 27, ст. 2711, 2716; 2004, N 24, ст. 2335; N 33, ст. 3368; N 35, ст. 3607; N 50, ст.

4950; 2005, N 30, ст. 3104; 2006, N 29, ст. 3124, 3125; N 31, ст. 3427; N 50, ст. 5303; 2007, N 1, ст. 37; N 6, ст. 681; N 10, ст. 1151; N 17, ст. 1938; N 18, ст. 2118; N 31, ст. 4008, 4011; 2008, N 30, ст. 3605, 3616; N 48, ст. 5517; N 52, ст. 6229, 6236; 2009, N 1, ст. 30; N 7, ст. 771; N 14, ст. 1577; N 20, ст. 2391; N 23, ст. 2763; N 29, ст. 3633, 3640; N 45, ст. 5268; N 52, ст. 6433; 2010, N 17, ст. 1986; N 23, ст. 2794, 2799; N 27, ст. 3417; N 41, ст. 5192; 2011, N 1, ст. 16; N 11, ст. 1503; N 13, ст. 1685; N 25, ст. 3536; N 29, ст. 4291; N 30, ст. 4607; N 31, ст. 4702, 4703; N 43, ст. 5975; 2012, N 19, ст. 2274, 2275; N 41, ст. 5522; N 43, ст. 5786; N 50, ст. 6961; 2013, N 14, ст. 1638, 1648; N 19, ст. 2329; N 27, ст. 3477; N 43, ст. 5453; N 44, ст. 5642; N 51, ст. 6684; N 52, ст. 6961; 2014, N 6, ст. 565; N 8, ст. 739; N 14, ст. 1543; N 19, ст. 2299, 2300; N 23, ст. 2931; N 42, ст. 5614; N 48, ст. 6636; N 49, ст. 6928; 2015, N 6, ст. 886; N 14, ст. 2015; N 29, ст. 4357; N 41, ст. 5639, 5641; N 45, ст. 6203; 2016, N 7, ст. 917; N 11, ст. 1492, 1493; N 15, ст. 2054; 2017, N 1, ст. 15, 46; N 15, ст. 2139; N 23, ст. 3227; 2018, N 7, ст. 961; N 17, ст. 2432; N 28, ст. 4148; N 51, ст. 7861; N 53, ст. 8476; 2019, N 22, ст. 2660; 2020, N 9, ст. 1119; N 14, ст. 2028; N 21, ст. 3232, 3233; N 31, ст. 5026; 2021, N 11, ст. 1708; N 15, ст. 2456; N 17, ст. 2877; N 18, ст. 3059; N 23, ст. 3916; N 27, ст. 5188) следующие изменения:

1) В статье 29: пункт 20 изложить в следующей редакции:

Кандидат, избирательное объединение, выдвинувшее список кандидатов, со дня представления в избирательную комиссию документов для регистрации кандидата, списка кандидатов вправе назначить одного члена этой избирательной комиссии с правом совещательного голоса, а в случае регистрации кандидата, списка кандидатов - по одному члену избирательной комиссии с правом совещательного голоса в каждую нижестоящую избирательную комиссию. Избирательное объединение,

выдвинувшее зарегистрированного кандидата (зарегистрированных кандидатов) по одномандатному (многомандатному) избирательному округу, вправе назначить одного члена вышестоящей (по отношению к избирательной комиссии, зарегистрировавшей кандидата (кандидатов) избирательной комиссии с правом совещательного голоса. Каждое избирательное объединение может назначить в избирательную комиссию не более одного члена избирательной комиссии с правом совещательного голоса.

Статья 3

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (Собрание законодательства Российской Федерации, 2001, N 52, ст. 4921; 2002, N 30, ст. 3020, 3029; N 44, ст. 4298; 2003, N 27, ст. 2700, 2706; N 50, ст. 4847; 2004, N 27, ст. 2711; 2005, N 1, ст. 13; N 23, ст. 2200; 2006, N 28, ст. 2975, 2976; N 31, ст. 3452; 2007, N 1, ст. 46; N 24, ст. 2830, 2833; N 49, ст. 6033; N 50, ст. 6248; 2009, N 1, ст. 29; N 11, ст. 1267; N 44, ст. 5170; N 52, ст. 6422; 2010, N 1, ст. 4; N 15, ст. 1756; N 19, ст. 2284; N 21, ст. 2525; N 27, ст. 3431; N 30, ст. 3986; N 31, ст. 4164, 4193; N 49, ст. 6412; 2011, N 1, ст. 16, 45; N 15, ст. 2039; N 23, ст. 3259; N 30, ст. 4598, 4605; N 45, ст. 6322, 6334; N 48, ст. 6730; N 50, ст. 7361, 7362; 2012, N 10, ст. 1162, 1166; N 24, ст. 3071; N 30, ст. 4172; N 31, ст. 4330, 4331; N 47, ст. 6401; N 49, ст. 6752; N 53, ст. 7637; 2013, N 26, ст. 3207; N 27, ст. 3442, 3478; N 30, ст. 4031, 4050, 4078; N 44, ст. 5641; N 51, ст. 6685; N 52, ст. 6945; 2014, N 6, ст. 556; N 19, ст. 2303, 2310, 2333, 2335; N 23, ст. 2927; N 26, ст. 3385; N 30, ст. 4219, 4259, 4278; N 48, ст. 6651; 2015, N 1, ст. 81, 83, 85; N 6, ст. 885; N 10, ст. 1417; N 21, ст. 2981; N 29, ст. 4354, 4391; 2016, N 1, ст. 61; N 14, ст. 1908; N 18, ст. 2515; N 26, ст. 3868; N 27, ст. 4256, 4257, 4258, 4262; N 28, ст. 4559; N 48, ст. 6732; N 52, ст. 7485; 2017, N 15, ст. 2135; N 24, ст. 3484, 3489; N 31, ст. 4743,

4752, 4799; N 52, ст. 7935; 2018, N 1, ст. 51, 53, 85; N 18, ст. 2569, 2584; N 27, ст. 3940; N 31, ст. 4818; N 47, ст. 7134; N 53, ст. 8435, 8446, 8456; 2019, N 14, ст. 1459; N 30, ст. 4108, 4111; N 44, ст. 6175; N 52, ст. 7818; 2020, N 8, ст. 919; N 14, ст. 2030; N 15, ст. 2235; N 42, ст. 6515; N 44, ст. 6894; N 50, ст. 8070; 2021, N 9, ст. 1472; N 13, ст. 2135; N 24, ст. 4233; N 27, ст. 5069, 5109, 5113; 2022, N 1, ст. 27, 2954; N 10, ст. 1389) следующие изменения:

- 1) в части первой статьи 31 исключить слова "207.3 частью первой, 280.3 частью первой, 284.2,";
- 2) в части второй статьи 151: в пункте 2 цифры "275 - 280.2, 281", заменить цифрами "275 - 281";
- 3) в части второй статьи 151: в пункте 3 исключить цифры "280.3";
- 4) в части второй статьи 151: в пункте 2 цифры "275 - 280.2, 281", заменить цифрами "275 - 281";
- 5) в части второй статьи 151: в подпункте "а" пункта 1 цифры "207.3", "280.3", "284.2," исключить.

Статья 4

Внести в Кодекс Российской Федерации об Административных Правонарушениях (Собрание законодательства Российской Федерации, 2002, N 1, ст. 1; 2022, N 50, ст. 8773; N 10, ст. 1388; N 13, ст. 1951; 2023, N 12, ст. 1870) следующие изменения:

- 1) Статьи 6.21 и 6.21.2 признать утратившими силу;
- 2) Статьи 20.3.3 и 20.3.4 признать утратившими силу;
- 3) Статью 20.33 признать утратившей силу;
- 4) Из пункта 1 части 2 статьи 28.3, цифры "20.3.3" исключить;
- 5) Из части 1 статьи 28.4 цифры "20.3.4" исключить

Статья 5

Внести в Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием" (Собрание законодательства Российской Федерации, 2022, N 29, ст. 5222) следующие изменения:

- 1) Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием", признать утратившим силу.

Статья 6

Внести в Федеральный закон от 12 января 1996 года N 7-ФЗ "О некоммерческих организациях" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, N 3, ст. 145; 1998, N 48, ст. 5849; 2006, N 3, ст. 282; 2007, N 1, ст. 37; N 49, ст. 6039; 2008, N 30, ст. 3616; 2009, N 29, ст. 3607; 2010, N 15, ст. 1736; N 19, ст. 2291; N 21, ст. 2526; 2011, N 29, ст. 4291; N 30, ст. 4587, 4590; N 45, ст. 6321) следующие изменения:

1) в статье 1: пункт 6 исключить;

2) В статье 32:

Пункт 1 изложить в следующей редакции:

"1. Некоммерческая организация ведет бухгалтерский учет и статистическую отчетность в порядке, установленном законодательством Российской Федерации".

Пункт 3 изложить в следующей редакции:

"Некоммерческие организации, за исключением указанных в пункте 3.1 настоящей статьи, обязаны представлять в уполномоченный орган документы, содержащие отчет о своей деятельности, о персональном составе руководящих органов, а также документы о расходовании денежных средств и об использовании иного имущества, в том числе полученных от международных и иностранных организаций, иностранных граждан и лиц без гражданства. Формы и сроки представления указанных документов определяются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти".

Пункт 3.1 изложить в следующей редакции:

"Некоммерческие организации, учредителями (участниками, членами) которых не являются иностранные граждане и (или) организации либо лица без гражданства, а также не имевшие в течение года поступлений имущества и денежных средств от международных или иностранных организаций, иностранных граждан, лиц без гражданства, в случае, если поступления имущества и денежных средств таких

некоммерческих организаций в течение года составили до трех миллионов рублей, представляют в уполномоченный орган или его территориальный орган заявление, подтверждающее их соответствие настоящему пункту, и информацию в произвольной форме о продолжении своей деятельности в сроки, которые определяются уполномоченным органом”.

Пункт 4 изложить в следующей редакции:

“Структурное подразделение иностранной некоммерческой неправительственной организации информирует уполномоченный орган об объеме получаемых данным структурным подразделением денежных средств и иного имущества, их предполагаемом распределении, о целях их расходования или использования и об их фактическом расходовании или использовании, о предполагаемых для осуществления на территории Российской Федерации программах, а также о расходовании предоставленных физическим и юридическим лицам указанных денежных средств и об использовании предоставленного им иного имущества по форме и в сроки, которые устанавливаются уполномоченным федеральным органом исполнительной власти”.

Пункт 14.1 исключить.

Статья 7

Внести в Федеральный закон от 19 мая 1995 года N 82-ФЗ "Об общественных объединениях" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1995, N 21, ст. 1930; 1998, N 30, ст. 3608; 2002, N 11, ст. 1018; N 12, ст. 1093; 2003, N 50, ст. 4855; 2004, N 27, ст. 2711; 2006, N 3, ст. 282; 2008, N 30, ст. 3616; 2010, N 21, ст. 2526; 2011,

№ 27, ст. 3880) следующие изменения:

- 1) в статье 38, часть четвертую исключить.

Статья 8

Внести в Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации, 2012, № 53 (ч. 1), ст. 7597) следующие изменения:

- 1) признать Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», утратившим силу.

Статья 9

Внести в Федеральный закон от 23.05.2015 № 129-ФЗ "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" (Собрание законодательства Российской Федерации, 1996, № 34, ст. 4029) следующие изменения:

- 1) Подпункт 9 статьи 26 признать утратившим силу;

Статья 10

Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

Президент Российской Федерации _____

Москва, Кремль _____ 2023 года

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

В части статьи 1

1) Федеральный закон от 28.07.2012 № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Принят Государственной Думой 13 июля 2012 года, одобрен Советом Федерации 18 июля 2012 года, подписан Президентом 28 июля 2012 года.

Закон перенес клевету из числа административных правонарушений в ряд уголовных преступлений: административная статья о клевете (5.60 КоАП) утратила силу, а в Уголовный кодекс была включена новая статья 128.1. Штраф за «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию» был увеличен с 1-2 тысяч рублей для граждан или 200-300 тысяч для юридических лиц до 500 тысяч рублей, появилась также возможность наложения обязательных работ (до 160 часов). Для случаев клеветы в публичных выступлениях или в СМИ наказание выросло с 3-5 тысяч штрафа для граждан или 300-500 тысяч для юридических лиц до 5 миллионов рублей или до 480 часов обязательных работ.

В Уголовный кодекс была перенесена также статья о клевете в отношении судей, присяжных заседателей, судебных приставов, прокуроров и следователей. Максимальный штраф за нее в редакции новой уголовной статьи 298.1 составил 2 миллиона рублей — по сравнению с 3-5 тысячами административного штрафа для

граждан или 100-300 тысячами штрафа для юридических лиц в утратившей силу административной статье (17.16 КоАП).

14 декабря 2020 года в Государственную думу, депутатом от партии Единая Россия Вяткиным Д.Ф. был внесен законопроект, ужесточающий ответственность за клевету, в частности, вводящий санкции до пяти лет лишения свободы, если клевета заключалась в обвинении лица в совершении преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности, либо тяжкого или особо тяжкого преступления. Эта поправка была рассмотрена, принята обеими палатами парламента в течении девяти дней. 30 декабря 2020 года закон был подписан президентом.

Общественно-политический контекст

Законопроект был разработан в начале третьего президентского срока президента Путина и стал одним из череды законов, направленных на ужесточение ответственности за протестную активность и критику власти: одновременно была резко увеличена ответственность за участие в несогласованных массовых мероприятиях, введены санкции для некоммерческих организаций с иностранным финансированием и появилась возможность внесудебных блокировок сайтов по закону «О защите детей от информации причиняющей вред их здоровью и развитию».

Авторы законопроекта в пояснительной записке утверждали, что необходимо повысить уровень защиты граждан от распространения заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство, при этом ссылаясь на иностранный опыт: по их словам, «правопорядки практически всех стран мира устанавливают уголовную ответственность за клевету».

Инициатива «Единой России» вызвала критику в других фракциях Госдумы: представители КПРФ, ЛДПР и «Справедливой России» заявили, что возвращение в Уголовный кодекс статьи о клевете направлено против политических оппонентов власти. Против инициативы выступили и многочисленные журналисты, которые в течение недели с момента внесения законопроекта до его рассмотрения в третьем чтении распространяли в Интернете петицию, в которой подчеркивалось, что от обвинений в клевете страдают прежде всего региональные журналисты и блогеры, критикующие чиновников и представителей власти, даже в тех случаях, когда распространяемые сведения не являются заведомо ложными. Петицию подписали чуть более двух тысяч человек.

Непоследовательность законодателя

Закон о криминализации клеветы был принят всего через полгода после исключения соответствующей статьи из Уголовного кодекса по инициативе президента Дмитрия Медведева. У Верховного суда РФ, несколькими месяцами ранее поддержавшего медведевскую гуманизацию уголовного законодательства, при рассмотрении нового законопроекта «замечаний принципиального характера не имелось». Одобрено законопроект и правительство во главе с Дмитрием Медведевым. Депутаты от «Единой России» Крашенинников, Яровая, Вяткин, выступившие с новой инициативой, ранее голосовали за декриминализацию клеветы.

Необходимость возвращения статьи о клевете в Уголовный кодекс авторы инициативы объясняли тем, что санкции, предусмотренные административной статьей, «представляются неэффективными». Между тем очевидно, что через несколько месяцев после появления административной статьи ее эффективность

оценить невозможно.

При этом штрафы, предусмотренные новой уголовной статьей, значительно превосходят не только наказания по действовавшей в течение нескольких месяцев административной статье о клевете, но также и санкции по статье 129 УК, действовавшей еще до декриминализации клеветы: если ранее максимальный штраф составлял 300 тысяч рублей, то теперь — пять миллионов.

В отличие от уголовной нормы, действовавшей до декабря 2011 года, новая не предполагает такого наказания, как ограничение или лишение свободы. Однако это видимое смягчение является лишь формальным: в 2012 году суды приговорили к лишению свободы менее 2% осужденных за клевету, а самым распространенным наказанием и ранее был штраф (он применялся в более 85% случаев, даже чаще, чем при рассмотрении дел по новой статье о клевете).

Таким образом, уголовная ответственность за клевету, отмененная при президенте Медведеве, не только была возвращена, но и стала более суровой.

Избыточность регулирования

Российское законодательство предусматривает достаточный инструментарий для защиты чести и достоинства граждан. Закрепленное в Конституции право на защиту чести и доброго имени раскрывается в Гражданском кодексе (статья 152 ГК) и законе о СМИ (статья 43), согласно которым гражданин вправе требовать по суду как опровержения сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, включая информацию, опубликованную в СМИ, так и финансового возмещения морального вреда.

Кроме того, Уголовный кодекс предусматривает наказание вплоть до двух лет лишения свободы за «незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих его личную или семейную тайну, без его согласия либо распространение этих сведений в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации» (статья 137 УК «Нарушение неприкосновенности частной жизни»).

Размытость понятий

Во введенной законом уголовной статье клевета определяется через крайне широкое и неконкретное понятие «сведения».

При этом не учитывается позиция Европейского суда по правам человека и постановление Пленума Верховного суда РФ о судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, направленное как раз на разрешение противоречий между национальным законодательством и международными обязательствами России, согласно которым следует различать утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения и убеждения, которые являются выражением субъективного мнения и взглядов человека и не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. В новой редакции уголовной статьи о клевете это различие не оговорено, что предоставляет широкие возможности для ее произвольной интерпретации и злоупотреблений при ее применении.

Кроме того, новая уголовная норма предусматривает отдельное наказание за «клевету, соединенную с обвинением лица в совершении преступления сексуального

характера». Между тем правовое определение понятию «преступления сексуального характера» российским законодательством не предусмотрено.

Введение дискриминационных норм

Закон вводит наказание за «клевету о том, что лицо страдает заболеванием, представляющим опасность для окружающих», к которым относятся, в частности, ВИЧ, малярия, гепатит В и С, туберкулез и другие (в первой версии законопроекта речь шла о «болезнях, вызывающих отвращение»). Тем самым фактически признается, что сведения о наличии такого заболевания порочат честь и достоинство человека и могут быть поставлены в один ряд с обвинением в совершении преступления или в неэтичном поведении. Это противоречит гарантированному Конституцией принципу о равенстве всех перед законом и российскому законодательству, запрещающему дискриминацию граждан на основании наличия у них заболеваний, и грозит развитием социальной нетерпимости и дальнейшей социальной изоляцией тяжело больных людей.

Ограничение свободы слова

Закон направлен на неоправданное ограничение свободы слова и права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом.

Наиболее суровое наказание уголовная статья в своей последней редакции предусматривает за «клевету, соединенную с обвинением человека в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления» (то есть преступления, караемые лишением свободы на срок более 5 лет) — штрафом в размере до пяти миллионов

рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо арестом на срок от четырех до шести месяцев, либо лишением свободы на срок до пяти лет.

Поскольку к тяжким преступлениям относятся многочисленные должностные преступления, такие как: получение взятки, превышение полномочий, злоупотребление полномочиями, то под угрозой максимального наказания по статье о клевете оказываются журналисты, проводящие расследования деятельности чиновников.

Отдельно стоит обратить внимание, что санкция в виде лишения свободы за клевету, появилась в разгар эпидемии COVID-19, когда российские власти явно не справлялись с проблемой, что вызвало шквал критики со стороны жителей России. В пояснительной записке к законопроекту о поправках к ст. 128.1 УК не скрывалось, что эти поправки в закон о клевете, вносились исключительно как реакция на реализацию свободы слова, на тот момент в полной мере не контролируемом российском сегменте интернета.

Такой подход прямо противоречит принятой Советом Европы Декларации о свободе политической дискуссии в СМИ и позиции Пленума Верховного суда РФ, согласно которым журналисты вправе ставить под сомнение и критиковать действия должностных лиц. «Политические деятели, стремящиеся заручиться общественным мнением, тем самым соглашаются стать объектом общественной политической дискуссии и критики в СМИ, — говорится в постановлении Пленума Верховного суда. — Государственные должностные лица могут быть подвергнуты критике в

СМИ в отношении того, как они исполняют свои обязанности, поскольку это необходимо для обеспечения гласного и ответственного исполнения ими своих полномочий».

Последствия принятия закона

Закон о клевете применяется против политиков, региональных активистов и журналистов, выступающих с критикой местной власти. Так, 20 февраля 2021 года, Бабушкинский суд Москвы приговорил Алексея Навального к штрафу в 850 тысяч рублей по делу о клевете на 94-летнего участника Второй мировой войны Игната Артеменко. Гражданин Артеменко снялся в видеоролике, где вместе с другими агитировал за принятие поправок к Конституции, обнуляющих президентские сроки Владимира Путина. Навальный назвал агитаторов из ролика "продажными холуями", "позором страны" и "предателями".

В судебной статистике за 2022 год, клевета не выделена отдельно и отнесена к преступлениям против свободы, чести и достоинства личности, наряду с такими опасными преступлениями, как похищение человека, незаконное лишение свободы, торговля людьми, использование рабского труда и незаконная госпитализация в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях. Однако, поскольку перечисленные выше преступления не предусматривают штраф в качестве основного или дополнительного наказания, то можно сделать вывод, что лица, которым было назначено наказания в виде штрафа, были осуждены именно за клевету. Таковых в 2022 году был 41 человек. Окончательное количество осужденных за клевету с назначением другого наказания или освобожденных от наказания с назначением судебного штрафа, неизвестно.

Введение в закон правовой нормы, предусматривающей уголовную ответственность за клевету с наказанием в виде лишения свободы сроком до пяти лет, произвело серьезный охлаждающий эффект на общественную дискуссию, и резко увеличило риски всех лиц выступающих с критикой власти. □

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

2) Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: Михаил Б

Статьи 207.3, 280.3 и 284.2 УК внесены в Уголовный кодекс Федеральным законом от 04 марта 2022 г. N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации».

Сам законопроект был внесен в государственную думу 14.05.2018 года депутатами государственной думы В.В. Володиным, Г.А. Зюгановым, В.В. Жириновским, С.И. Неверовым, С.М. Мироновым, И.И. Мельниковым, А.Д. Жуковым, А.К. Исаевым, П.О. Толстым, членом Совета Федерации ФС РФ В.И. Матвиенко.

Рассмотренный в первом чтении законопроект содержал поправки в Уголовный кодекс лишь в части ст. 284.2, которая первоначально называлась «Ограничение или отказ в совершении обычных хозяйственных операций или сделок в целях содействия в исполнении мер ограничительного характера, введенных иностранным государством, союзом иностранных государств или международной организацией». Эта норма разрабатывалась и предназначалась для противодействия политике

экономических санкций, направленных против России.

Практически четыре года (три года и десять месяцев) после принятия законопроекта в первом чтении движений по рассмотрению законопроекта не было.

Однако, после того как российское вторжение в Украину привело к стихийным акциям протеста, 04 марта 2022 года практически без обсуждений и обоснований, этот законопроект, уже в концептуально другой редакции, был рассмотрен во втором и третьем чтении.

В новой редакции были введены цензурные статьи 207.3 «Публичное распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации, исполнении государственными органами Российской Федерации своих полномочий», 280.3 «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях». Первоначальная статья 284.3 поменяла и название и содержание, став называться «Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц».

Пояснительной записки законопроект в части ст. 207.3 и 280.3 не содержит. Никаких обоснований, кроме пропагандистских и цензурных, для введения этих норм пояснительная записка не содержит.

Сама пояснительная записка к законопроекту в первоначальной форме о внесении только ст. 284.2 содержит лишь его описание, без обоснования необходимости регулирования правоотношений федеральным законом.

При рассмотрении данного законопроекта в государственной думе применен распространенный способ проведения через голосование неоднозначных поправок в закон не путем прямого внесения их в госдуму и обсуждения законопроекта во всех трех чтениях, а путем изменения текста уже внесенного нейтрального законопроекта после процедуры первых чтений. Такой способ позволяет не обосновывать неоднозначные поправки в пояснительной записке, и сокращает процедуру обсуждения принимаемой правовой нормы с трех чтений, до двух.

В данном случае законопроект был рассмотрен во втором и третьем чтении 04 марта 2022 года, в этот же день одобрен Советом Федерации, подписан Президентом и опубликован на официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

Обсуждение закона и голосование во втором и третьем чтении (с аплодисментами) заняло 5 минут 43 секунды.

Соразмерность вводимых законом суровых наказаний, преследуемой законной цели при обсуждении закона в концептуально новой редакции, не обсуждалось в принципе.

В нарушение Регламента государственной думы, на новые нормы не были получены официальные отзывы правительства, Верховного Суда, а также Правового управления Аппарата Госдумы.

Вступил в силу закон в день его опубликования — 04 марта 2022 года.

Обоснование необходимости исключения статей 207.3, 280.3 и 284.2 из Уголовного кодекса Российской Федерации

Все три статьи, внесённые в Уголовный кодекс законом от 04 марта 2022 года, вводят ограничения в реализацию свободы слова — права предусмотренного статьей 29 Конституции. При этом, приведенный в частях 2 и 3 статьи 207.3 УК предусматривает наказание до 10 и 15 лет лишения свободы, что представляется наказанием неадекватным в своей жестокости.

Диспозиция части 1 статьи 207.3 УК не отвечает требованиям правовой определенности, ясности, недвусмысленности правовых норм и их согласованности в системе действующего правового регулирования, и предоставляет необоснованно широкие пределы усмотрения для правоприменителя, что в сочетании с избыточно суровым наказанием, оказывает сдерживающее влияние на свободу выражения по такому общественно значимому вопросу, как применение вооруженных сил на территории сопредельного государства.

Правоприменение по ст. 207.3 УК сложилось таким образом, что «публичным распространением под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации, содержащей данные об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации» стало любое высказывание о факте связанного с российским вторжением, и не соответствующего официальной позиции Министерства обороны.

Критерием истины в судах стал не факт, подтвержденный допустимыми, достоверными и относимыми доказательствами, а непроверяемый и недоказуемый пресс-релиз министерства обороны.

Схожим образом сложилось и правоприменение по статье 280.3 УК, предусматривающей уголовную ответственность за «публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации».

Гипотеза этой нормы содержит в себе административную преюдицию и, соответственно, вопрос как таковой дискредитации Вооруженных сил, при рассмотрении уголовного дела не рассматривается и не исследуется, поскольку он уже был предметом исследования при рассмотрении дела об административном правонарушении по ч. 1 ст. 20.3.3 КОАП.

В свою очередь, правоприменение по ч. 1 ст. 20.3.3 КОАП сложилось так, что преследованию подвергаются лица за традиционные антивоенные высказывания, такие как: «Нет Войне», «Миру мир», плевков на символику с буквой «Z», за антивоенную сатиру, и даже одежду в желто-голубых цветах — цветах государственного флага Украины и одновременно одной из парламентских партий России.

В итоге, неадекватность наказания с одной стороны и неясная позиция министерства обороны по ряду значимых обстоятельств с другой, привели к самому массовому запугиванию населения истории современной демократической России и полному прекращению открытой дискуссии, содержащей критику военного

вторжения России в Украины со стороны лиц, проживающих в России. Каждому жителю страны было недвусмысленно продемонстрировано, что любое утверждение о факте, связанному с войной и который не получит подтверждение со стороны Министерства обороны, приведет не к началу дискуссии, а к уголовному преследованию, а любое публичное проявленное недовольство войной, приведет к административному штрафу с перспективой дальнейшего уголовного преследования.

Стоит отметить, что в системе российского и международного права, свобода слова не является абсолютной, и возможны законные основания для его ограничения. В частности, не допускаются пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду. Запрещается пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Пункт 15 части 2 статьи 7 ФКЗ «О военном положении» предусматривает введение военной цензуры на территории, на которой введено военное положение. Пункт «б» статьи 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусматривает ограничение свободы печати и других средств массовой информации путем введения предварительной цензуры в случае введения чрезвычайного положения.

Принятый же 04 марта 2022 года закон, вводил ограничение свободы слова в тех случаях, в каких он не предусмотрен ни Конституцией, ни Федеральными Конституционными законами.

Введенное ограничение свободы слова не преследовало защиту конституционных ценностей, таких как:запрет дискриминации, ликвидация

чрезвычайной ситуации, или создание условий для отражения или предотвращения агрессии против Российской Федерации. Единственной его задачей является прекращение антивоенных протестов и затруднение распространения достоверной информации о ходе войны в Украине.

Закон от 04 марта 2022 г. предусматривает ограничение свободы слова не для достижения общественно значимых целей, указанных в Конституции и Федеральных конституционных законах, а для защиты так и не обозначенных целей «специальной военной операции», которая проходит в форме вооруженной агрессии на территории суверенного государства.

Учитывая, что эта агрессия сопровождается колоссальным количеством человеческих жертв, в том числе и среди мирного населения, разрушением городов, вынуждает стать беженцами миллионы человек в России и в Украине, учитывая, что эта агрессия разрушает экономику двух крупнейших стран Европы, то это событие является достаточно важным, чтобы стать предметом дискуссий, обсуждений и общественного контроля, в том числе дискуссии о целесообразности самой этой войны.

Свобода распространения информации и идей имеет огромное значение для политической жизни и демократического устройства страны. Более того, полное использование свободы для распространения информации и идей позволяет свободно критиковать правительство, что является основным показателем свободного и демократического общества.

Рассматриваемый закон под страхом тюремного заключения запретил любое антивоенное выражение мнения и поставил точку на любом неподконтрольном властям обсуждении происходящего в Украине став, таким образом, самым мощным и жестоким инструментом цензуры в современной России.

Подобное вмешательство в свободу выражения мнения и распространения информации, не может считаться необходимым в демократическом обществе и существование его невозможно в демократическом обществе.

И наоборот, в тоталитарных режимах, таких как Советский Союз, осуществлялось систематическое преследование за антивоенные протесты.

Например, участники демонстрации на Красной площади 25 августа 1968 года, посвященной протесту против ввода советских войск в Чехословакию, были осуждены по ст. 190.1 УК РСФСР «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй». Репрессиям подвергались и протестующие против войны в Афганистане, и одним из самых известных репрессированных был нобелевский лауреат, академик Андрей Сахаров. Но даже в Советском Союзе, наказание за антивоенные протесты не было таким жестоким как в Российской Федерации.

В другом тоталитарном государстве — фашистской Германии, участники молодежного антифашистского движения «Белая Роза» были осуждены и впоследствии казнены на основе «Закона против коварных нападков на государство и партию и для защиты партийной униформы», (Gesetz gegen heimtückische Angriffe auf Staat und Partei und zum Schutz der Parteiuniformen) от 20 декабря 1934 года.

В последующем цензурная статья 190.1 УК РСФСР была отменена, а лица, осужденные по этой статье, были признаны жертвами политических репрессий. Германский «Закон против коварных нападков на государство и партию и для защиты партийной униформы», после военного поражения Германии во Второй мировой войне, был отменен, а именами участников движения «Белая Роза» были названы улицы в мюнхенском студенческом городке.

Правовые нормы, внесенные в Уголовный кодекс Федеральным законом от 04 марта 2022 N 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» предназначены для осуществления военной цензуры без объявления военного положения и подавления любого антивоенного высказывания, что невозможно в современном демократическом обществе, каким, в силу статьи 1 Конституции, является Российская Федерация. Закон от 04 марта 2022 N 32-ФЗ противоречит и ст. 29 Конституции, гарантирующей свободу слова, мнения, распространения информации и запрещающей цензуру.

Анализ правоприменительной практики по статье 207.3 и 280.3 №; (дела Горинова, Яшина, Петровой, Скочиленко и др.), позволяет сделать категорический вывод о том, что поправки к Уголовному кодексу, принятые законом от 04 марта 2022 года, являются прямым и эффективным инструментом массовых политических репрессий, существование которых невозможно и недопустимо в современном демократическом обществе.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

3) Пояснения в части статьи 280.3 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 207.3](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

4) Пояснения в части статьи 284.1 санируемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 8 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

5) Пояснения в части статьи 284.2 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 207.3](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

6) Пояснения в части статьи 330.1 санируемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 5 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 2

1) Федеральным законом от 14.03.2022 N 60-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" были внесены изменения в п. 20 ст. 29 ФЗ 67-ФЗ "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", согласно которым в системе избирательных комиссий члены комиссий с правом совещательного голоса сохранились лишь в Центризбиркоме и избирательных комиссиях субъектов

федераций. Во все нижележащие комиссии, кандидаты, партии и избирательные объединения потеряли право назначать членов с правом совещательного голоса.

Эта поправка привел к существенной деградации наблюдения в стране и значительно уменьшила открытость голосования и контроль гражданского общества за ним. Лишение кандидатов, партий и избирательных объединений права назначать членов комиссии с совещательным голосом в участковые и территориальные комиссии привело сильнейшей деградации избирательного процесса, облегчив фальсификации итогов голосования.

Предлагаемая редакция п. 20 ст. 29 Закона - это старая редакция закона, до деструктивных изменений и она возвращает членов комиссий с совещательным голосом в участковые и территориальные избирательные комиссии.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 3

1) Корреспондирующие поправки к изменению Уголовного кодекса Российской Федерации в части исключения статей 207.3, 280.2, 280.3

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

Автор также отметил вклад в поправку следующих коллег: *Иван Шушкин*

2) Пояснения в части статьи 151 saniруемого закона см. в [пояснительной записке к статье 31](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

3) Пояснения в части статьи 151 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 31](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

4) Пояснения в части статьи 151 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 31](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

5) Пояснения в части статьи 151 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 31](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 4

1) Статья 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях устанавливает административную ответственность за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений, смены пола. Статья 6.21.2 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения или способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

Запрет на «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений» на федеральном уровне был введен федеральным законом от 29 июня 2013 года № 135-ФЗ. В обоснование своей инициативы авторы законопроекта № 44554-6 ссылались на необходимость защиты детей от информации, которая может причинить вред их здоровью и развитию.

С течением времени законодательство «о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» претерпело существенные изменения. 5 декабря 2022 года принят федеральный закон № 478-ФЗ, запретивший такую «пропаганду» среди всего населения (а не только несовершеннолетних) и серьезно увеличивший размеры административных штрафов за совершение правонарушения. Законом также введен запрет на пропаганду смены пола и нетрадиционных сексуальных предпочтений, распространение среди несовершеннолетних информации, демонстрирующей нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения или способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол.

Изменилась риторика, лежащая в обосновании инициативы: авторы законопроекта № 217472-8 говорили не только о необходимости защиты детей от «деструктивной информации», но и защиты всего общества в целом. Необходимость защиты всего общества обосновывалась тем, что, по мнению авторов проекта закона, попадающая под запрет информация угрожает демографическому росту, экономическому развитию страны и противоречит нормам Конституции о защите материнства, отцовства и детства, защите брака как института мужчины и женщины.

На практике принятие законодательства о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» привело к стигматизации ЛГБТ-людей в России,

исключению повестки прав указанной социальной группы из поля общественной дискуссии, росту преступлений ненависти в отношении ЛГБТ-людей. Принятие указанного законодательства положило начало государственной гомофобии как одному из столпов «традиционных ценностей», используемых в противовес «коллективному Западу».

Статьи 6.21 КоАП РФ, 6.21.2 КоАП РФ не только носят дискриминирующий характер, но и не имеют должного обоснования, несоразмерно ограничивают права граждан, содержат множество неопределенных формулировок, идут вразрез с конституционным принципом индивидуальной автономии личности.

Правовая неопределенность

Ключевые термины, используемые в статьях 6.21, 6.21.2 Кодекса, изложены в форме неоднозначных, нечетких формулировок.

Отсутствует дефиниция термина «пропаганда». Указывая, через какие действия может выражаться пропаганда, законодатель не раскрывает значение самого этого термина. Отсутствует также определение термина «демонстрации». Законодатель не проводит четкого разграничения между «пропагандой» и «демонстрацией». При этом судебная практика также не предлагает каких-то универсальных способов различия пропаганды и других видов распространения информации (например, просвещения).

Отсутствуют критерии определения «традиционности» и «нетрадиционности», что не только создает непредсказуемость применения норм, но и в условиях многонациональности и многоконфессиональности России создает условия для нарушения единообразия судебной практики, произвольного применения

законодательства.

Отсутствует какая-либо дефиниция «нетрадиционных сексуальных отношений» и «нетрадиционных сексуальных предпочтений», не раскрывается разница между этими терминами.

Неясно, что понимается под формированием нетрадиционных сексуальных установок.

Неясно, что именно понимается под «информацией, способной вызвать у несовершеннолетних желание сменить пол», отсутствуют какие-либо объективные критерии для определения такой информации.

Такая всеобъемлющая правовая неопределенность в ключевых терминах влечет за собой невозможность адекватного уяснения содержания этих норм, не позволяет определить, какие именно действия наказуемы.

Неопределенность означает неограниченное усмотрение государства при применении норм и создает риск государственного произвола.

Изложенная позиция подтверждается Постановлением Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П, в котором суд указал, что для того, чтобы исключить возможность несоразмерного ограничения прав и свобод человека и гражданина в конкретной правоприменительной ситуации, норма должна быть формально определенной, точной, четкой и ясной, не допускающей расширительного толкования установленных ограничений и, следовательно, произвольного их применения.

В своем Постановлении от 5 марта 2020 г. № 11-П Конституционный Суд РФ также указывает, что «неоднозначность, нечеткость и противоречивость правового регулирования препятствуют адекватному уяснению его содержания, допускают возможность неограниченного усмотрения в процессе правоприменения...».

Необоснованность

Вводя статьи 6.21, 6.21.2 КоАП РФ в законодательство, законодатель исходил из того, что а) существуют некие «традиционные» и «нетрадиционные» сексуальные отношения и (или) предпочтения; б) «нетрадиционные сексуальные предпочтения» могут быть сформированы в результате пропаганды или демонстрации; в) «нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения» априори носят вредоносный характер для личности и угрожают демографическому росту и экономическому развитию страны, «традиционным ценностям».

Такая позиция законодателя ошибочна. Так, утверждение о том, что «нетрадиционные сексуальные предпочтения» могут быть результатом пропаганды или демонстрации, не подтверждается общепризнанными научными данными. Более того, Конституционный Суд, касаясь вопроса пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений», в своем Постановлении от 23 сентября 2013 года № 24-П признал, что «возможность влияния соответствующей информации, даже поданной в навязчивой форме, на будущую жизнь ребенка не является безусловно доказанной».

Законодатель не предоставляет какое-либо обоснование тому, каким образом «нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения» угрожают демографии и экономическому развитию страны. Исходя из позиции

Конституционного Суда РФ, изложенной в Определении от 16 ноября 2006 года № 496-О, можно предположить, что законодатель, вторя этой позиции, утверждает, что невозможность рождения ребенка естественным путем от двух лиц одного пола означает противоречие ценностям семьи, материнства и детства. Между тем, такая позиция не учитывает развитие общества и появление вспомогательных репродуктивных технологий, позволяющих однополым союзам завести детей, а также возможность зачатия ребенка естественным образом у негетеросексуального лица. Законодатель также не учитывает развитие института семьи, появление новых форм семейных союзов. Кроме того, в деле «Баев и другие против Российской Федерации» (Bayev and Others v. Russia (application No. 67667/09, 44092/12 and 56717/12) Европейский Суд по правам человека отметил, что социальное одобрение гетеросексуальных пар не обусловлено их намерениями или возможностью иметь детей. Из этого следует, что этот аргумент не может обеспечить правомерность ограничений свободы выражения мнения по вопросу однополых отношений.

Законодатель также никак не объясняет свою позицию, согласно которой «нетрадиционные сексуальные отношения и (или) предпочтения» непременно выступают угрозой «традиционным ценностям». Кроме того, законодатель исходит из ложной предпосылки о том, что «традиционные ценности» всегда являются безвредными для личности и общества, а «нетрадиционные» – всегда вредны. Указанная предпосылка не только не соответствует реальности (что подтверждается, например, криминализацией ряда традиционных практик (таких как женское обрезание) и признанием традиционными некогда нетрадиционных воззрений, таких как равенство прав мужчины и женщины), но и не учитывает развитие общества, при котором традиционные, ранее приносившие пользу личности и обществу ценности,

могут начать нести вред в результате изменения объективных условий.

Как отметил Европейский суд по правам человека в деле «Баев и другие против России», в выборе способов, предусмотренных для защиты семьи, государство несет обязательство принять во внимание развитие общества и изменения в восприятии социального, семейного статуса и отношений, включая тот факт, что нет только одного пути или одного варианта выбора, который ведет к возникновению семьи или частной жизни. Негативное отношение, ссылки на традиции или общие предположения в отдельных странах сами по себе не могут признаваться как достаточное оправдание дифференцированного отношения. Точно также права меньшинств не могут ставиться в зависимость от признания их большинством, поскольку иначе это привело бы к ситуации, когда права меньшинств являются просто теоретическими, а не практическими и эффективными.

В случае рассматриваемых норм, законодатель ставит «традиции» выше прав человека, что прямо противоречит конституционным положениям о правах и свободах человека как высшей ценности (статья 2 Конституции России).

Несоразмерность ограничения прав

Согласно статье 1 Конституции России, в России не должны издаваться умаляющие права человека законы. Часть 3 статьи 55 Конституции России устанавливает исчерпывающий перечень случаев, когда права человека и гражданина могут быть ограничены (защита основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства), а также указывает на необходимость соразмерности

ограничения прав. То есть, в случае ограничения прав с конституционно одобряемой целью, необходимо использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры (согласно Постановлению Конституционного Суда РФ от 30 октября 2003 года № 15-П).

Там же Конституционный Суд указал, что в тех случаях, когда конституционные нормы позволяют законодателю установить ограничения закрепляемых ими прав, он не может осуществлять такое регулирование, которое посягало бы на само существо того или иного права и приводило бы к утрате его реального содержания.

Аналогичная позиция изложена в Постановлении Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 года № 9-П, согласно которому вводимые ограничения не должны быть несоразмерными и парализующими осуществление конституционных прав.

Между тем, статья 6.21 КоАП РФ вводит запрет на любое упоминание «нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений» не в негативном контексте, а статья 6.21.2 КоАП РФ запрещает демонстрацию таких отношений и (или) предпочтений среди несовершеннолетних. На практике суды толкуют указанные положения как запрет на любую публичную демонстрацию информации о «нетрадиционных сексуальных отношениях и (или) предпочтениях», исходя из того, что в таком случае несовершеннолетний теоретически может к такой информации получить доступ.

Таким образом, исходя из наличия теоретической возможности возможного причинения вреда в случае получения гражданами определенной информации, законодатель серьезно ограничивает целый ряд конституционных прав граждан,

посягая на саму их суть (таких как право на получение медицинской помощи, право на доступ к информации, свобода выражения мнения и др.)

Такое ограничение прав не только не является минимальным возможным (даже если допускать легитимность цели), но и ведет к серьезному ограничению прав человека.

На практике это означает невозможность свободной публикации научных работ, выводы в которых могут быть расценены в качестве «пропаганды», невозможность для негетеросексуальных людей получения качественной психологической и медицинской помощи в связи с их идентичностью, невозможность проведения открытых правозащитных кампаний для привлечения внимания к нарушениям прав людей в «нетрадиционных» сексуальных отношениях и др.

Административные штрафы, налагаемые на лицо в случае пропаганды или демонстрации «нетрадиционных сексуальных отношений», предусмотрены в сотни раз выше чем, например, штрафы за пропаганду наркотических средств. При этом общепризнанные научные данные о вреде пропаганды или демонстрации «нетрадиционных сексуальных отношений» отсутствуют, в отличие от общепризнанных научных данных о вреде пропаганды наркотических средств. Описанная ситуация также позволяет говорить о несоблюдении принципа соразмерности, игнорировании законодателем необходимости установления минимальных возможных ограничений прав человека.

Установление обязательной идеологии

Конституция России в статье 13 признает идеологическое многообразие в России и запрещает установление какой-либо идеологии в качестве государственной или обязательной.

Это корреспондирует с признанием государством индивидуальной автономии личности, предполагающей, что каждый человек вправе вести тот или иной, в наибольшей степени отвечающий его наклонностям и представлениям, образ жизни, он свободен в определении своих убеждений и предпочтений и может беспрепятственно их придерживаться, а государство должно не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия. Конституционный Суд в своем Постановлении от 24 сентября 2014 года № 24-П указал, что свобода сексуального самоопределения подразумевает существование объективных различий в сексуальной идентичности и возможность для лиц, достигших совершеннолетия, выбирать любые не сопряженные с насилием и причинением вреда жизни или здоровью либо угрозой его причинения конкретные варианты сексуального поведения, включая те, которые большинством могут оцениваться неодобрительно, в том числе с точки зрения этических, религиозных и иных представлений, сложившихся в конкретно-исторических социокультурных условиях развития данного общества.

Из конституционных положений о запрете обязательной идеологии вытекает обязательство государства воздерживаться от оценки правильности чьих-либо взглядов и уважать индивидуальную автономию личности.

Между тем, статьей 6.21, статьей 6.21.2 КоАП РФ вводится запрет на выражение мнения (причем под запрет попадает любое высказывание о «нетрадиционных

сексуальных отношениях» не в негативном контексте), на выражение своей сексуальной идентичности.

При этом данный запрет не является обоснованным и соразмерным (см. вышеизложенное), а указанные нормы запрещают не конкретные организации, а целую систему взглядов и выражение своей идентичности.

Наличие подобных норм создает условия для навязывания государством системы взглядов, контроля за убеждениями граждан, создает перспективу расширения такого подхода на другие сферы общественной жизни.

Нарушение принципа индивидуальной автономии личности

Фактическое применение статей 6.21 КоАП РФ, 6.21.2 КоАП РФ привело к ограничению прав граждан, таких как право выбирать, иметь и распространять свои убеждения и действовать сообразно с ними; право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом; право на равенство перед законом и судом и др.

В своем постановлении от 24 сентября 2014 года № 24-П Конституционный суд указал, что каждый человек вправе вести тот или иной, в наибольшей степени отвечающий его наклонностям и представлениям, образ жизни, он свободен в определении своих убеждений и предпочтений и может беспрепятственно их придерживаться, а государство должно не допускать произвольного вторжения в сферу частной жизни, уважать связанные с нею различия. Свобода сексуального самоопределения подразумевает существование объективных различий в сексуальной идентичности и возможность для лиц, достигших совершеннолетия, выбирать любые

не сопряженные с насилием и причинением вреда жизни или здоровью либо угрозой его причинения конкретные варианты сексуального поведения, включая те, которые большинством могут оцениваться неодобительно, в том числе с точки зрения этических, религиозных и иных представлений, сложившихся в конкретно-исторических социокультурных условиях развития данного общества.

Дискриминирующий характер

Конституция России в статье 1 устанавливает, что в России не должны издаваться умаляющие права человека законы. Статья 19 Конституции России предусматривает, что все равны перед законом и судом, а государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от принадлежности к определенной социальной группе.

Статья 15 Конституции России в части 4 устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

В деле «Непомнящий против России» (*Nepomnyaschiy v. Russian Federation*, HRC, no. 2318/2013) Комитет по правам человека ООН указал, что ограничение свободы выражения мнения должно соотноситься с целями Международного пакта о гражданских и политических правах и не должно нарушать антидискриминационные положения. Комитет отметил, что законодательство против «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» прямо проводит различие по признаку сексуальной ориентации и гендерной идентичности и, таким образом, представляет собой разграничение по признакам, разграничение по которым запрещено статьей 26

Пакта (п. 7.4). При этом Россия не предоставила доказательств, что ограничение прав проводилось исходя из разумных и объективных обоснований (п. 7.5). К таким же выводам Комитет пришел в деле «Федотова против России» (Fedotova v. Russian Federation, HRC, no. 1932/2010).

Законодательство о запрете пропаганды и демонстрации «нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений прямо проводит различие по признаку формата отношений и (или) сексуальной идентичности, что является недопустимым критерием.

Статьями 6.21 и 6.21.2 КоАП РФ людям, состоящим в «нетрадиционных сексуальных отношениях» или имеющим «нетрадиционные сексуальные предпочтения», прямо отказывается в признании равной ценности их отношений «традиционным» форматам и предпочтениям. Это выражается в таких формулировках указанных статей как «создание искаженного представления о социальной равноценности традиционных и нетрадиционных сексуальных отношений», что прямо противоречит конституционным положениям о равенстве.

Законодательство о запрете пропаганды и демонстрации «нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений» является не просто дискриминирующим, но и унижающим человеческое достоинство, поскольку любая информация о таких отношениях или предпочтениях законодательно приравнивается к пропаганде насилия, наркотиков и жестокости, а ее распространение рассматривается в качестве административного правонарушения.

Указанное обстоятельство ведет к стигматизации людей, состоящих в таких отношениях или имеющих указанные предпочтения, создает предпосылки для роста «преступлений ненависти» и общего усиления неравенства, что противоречит обязательствам государства гарантировать равенство прав и свобод.

Как отметил Европейский суд по правам человека в деле «Баев и другие против России» (Bayev and Others v. Russia (application No. 67667/09, 44092/12 and 56717/12)), законодательство, направленное на защиту несовершеннолетних от эксплуатации и развращения, не должно ограничиваться «нетрадиционными» (в данном случае – между лицами одного пола) отношениями. Законодатель, устанавливая запрет пропаганды и демонстрации «нетрадиционных сексуальных отношений и (или) предпочтений», в качестве одного из аргументов указывал необходимость защиты детей от деструктивной для них информации; в то же время российская сторона не смогла представить доказательств того, что несовершеннолетние особенно уязвимы к насилию в контексте именно «нетрадиционных» отношений.

Таким образом, необходимость защиты детей не может оправдать наличие указанных норм, делающих акцент на сексуальной идентичности и формате отношений, а законодательство о пропаганде «нетрадиционных отношений» является примером того, как консерватизм и следование приоритету «традиционных ценностей» ведет к деградации закона и ограничению базовых прав человека.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

2)

Законопроект № 1197680-72, в рамках которого была принята поправка о введении в КоАП РФ новой статьи 20.3.3*, был внесен Правительством Российской Федерации в Государственную Думу VII созыва в июне 2021 года, и изначально касался совершенно другого вопроса – административной ответственности юридических лиц за совершение сделок или финансовых операций с денежными средствами или иным имуществом, полученными заведомо преступным путем. Законопроект долгое время не рассматривался, а 3 марта 2022 года, то есть спустя восемь дней после начала «специальной военной операции», ко второму чтению были спешно подготовлены и внесены поправки, вводящие административную ответственность за дискредитацию использования Вооруженных Сил, и тем самым не просто меняющие концепцию законопроекта, а концептуально с его содержанием никак не связанные. Предложенные поправки были приняты за один день и без обсуждения по существу. Не была подготовлена пояснительная записка к данной статье, в которой обосновывалась бы конституционно допустимая цель введения ограничительных мер.

Автор предложенных поправок депутат И.А. Панькина заявляла: «Предлагаются... изменения [в КоАП РФ], которые... направлены на противодействие информационным атакам против нашей страны, которые дискредитируют использование Вооруженных Сил». Позднее были приняты поправки, расширяющие действие статьи 20.3.3 КоАП РФ и на «дискредитацию» действий государственных органов за рубежом. Они также были внесены в законопроект, направленный на регулирование иных правоотношений.

При принятии этих поправок депутат И.А. Панькина отдельно отметила, что они были намеренно внесены в обход первого чтения в не относящийся по тематике законопроект: «в целях оперативного принятия ... [авторы] погрузили [нормы], интегрировали в законопроекты, которые находятся в высокой степени готовности».

Депутат Ю.П. Синельщиков, комментируя поправки, отмечал и нарушение порядка принятия нормы в обход первого чтения, и тотальность запрета критики действий Вооруженных Сил и государственных органов за рубежом. В ответ на это, соавтор статьи А.Е. Хинштейн заявил, что: «те, кто сегодня выступает и говорит: «Да нет, вы предлагаете нормы, по которым можно кого угодно за что угодно потащить в тюрьму», мне кажется, выступают не с позиции защиты интересов государства, не с позиции защиты интересов тех, кто, простите за тавтологию, сегодня защищает нашу страну. Те, кто защищает интересы России за рубежом, — не важно, носят они погоны или одеты в партикулярное платье, — нуждаются в защите».

Таким образом, авторы законопроекта не скрывали антиконституционной цели, которую он преследует. Применительно к целям статьи 20.3.3 КоАП РФ, Комиссар Совета Европы по правам человека отметил, что введение ответственности в том числе за «дискредитацию» и призывы к публичным протестам не оставляет места для свободы слова и мнения о войне. Кроме того, специальные докладчики по свободе слова ООН, ОБСЕ, Межамериканской комиссии по правам человека и Африканской комиссии по правам человека и народов в своем совместном заявлении характеризовали ограничения свободы антивоенных высказываний в России как «репрессивные» и нацеленные на создание государственной монополии на информацию, что нарушает международные обязательства России. Таким образом,

учитывая скорость, ненадлежащую процедуру и предпосылки ее принятия, статья 20.3.3 КоАП РФ прямо нацелена на подавление споров, дискуссий и свободной конкуренции мнений об использовании Вооруженных Сил и исполнении государственными органами своих полномочий за рубежом, а также публичного выражения антивоенных и пацифистских взглядов и убеждений.

По данным ОВД-инфо на 24 апреля 2023 года судами России было рассмотрено как минимум 6561 дел об административных правонарушениях по ст. 20.3.3 КоАП, которые в сочетании с регулярно возбуждающимися уголовными делами по ст. 207.3 и 280.3 УК, уничтожили какое-либо антивоенное обсуждение на территории России, став инструментом массового запугивания населения.

Обоснование необходимости исключения статей 20.3.3 и 20.3.4 из Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

30 мая 2023 года Конституционный суд России вынес определение об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Яшина Ильи Валерьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Одним из доводов о конституционности ст. 20.3.3 КоАП и отсутствии оснований в принятии жалобы к рассмотрению, явилось то, что, по мнению Конституционного суда, "Деятельность по защите интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержанию международного мира и безопасности по своей природе осуществляется нередко в условиях высокого риска, с угрозой для жизни и здоровья. Для ее эффективности большое значение имеет морально-психологический настрой

лиц, непосредственно решающих соответствующие задачи и выполняющих тем самым воинский, служебный и гражданский долг, а одним из его важнейших условий является поддержка обществом как соответствующих решений и мер, так и реализующих их лиц, выступающая таким образом в качестве проявления конституционных принципов взаимного доверия общества и государства, защиты достоинства граждан и уважения к труду защитников Отечества, сбалансированности прав и обязанностей граждан, политической и социальной солидарности (статьи 67.1 (часть 3) и 75.1 Конституции Российской Федерации)”.

В данной части Конституционный суд прямо подтверждает цензурный характер нормы, указывая на необходимость поддержки обществом лиц, “выполняющим свой воинский долг в условиях высокого риска по поддержанию международного мира и безопасности, с угрозой для жизни и здоровья”. В определении Конституционный суд указывает, что ст. 20.3.3 носит абстрактный, общий характер, но была принята с учетом обстоятельств “специальной военной операции”. И нет никаких сомнений, что основной задачей ст. 20.3.3 КОАП было подавление волны критики и антивоенных высказываний, которые возникли в российском обществе в феврале-марте 2022 года. Необходимость в поддержке, подкреплённой штрафом, по своей правовой природе превращается в обязанность, то есть является неоправданным в современном демократическом обществе вмешательством в конституционный принцип свободы слова и мнений.

“Специальная военная операция” сопровождается колоссальными человеческими жертвами и разрушениями. Ее одностороннее освещение и обсуждение только с точки зрения поддержки полностью обнуляют тот самый эффект общественного

контроля, который несет свобода слова, и ведет не только к необоснованным репрессиям, но и многочисленным злоупотреблениям как со стороны государства, так и частных военизированных формирований.

Понуждение властей граждан к изменению своего мнения ради тех или иных сугубо политических целей, является принудительным насаждением идеологии, что прямо запрещено ст. 13 Конституции.

Предлагается исключить из Кодекса Российской Федерации об Административных правонарушениях статьи 20.3.3 и 20.3.4, одновременно внося корреспондирующие поправки по тексту всего Кодекса.

*В тексте пояснительной записки, с согласия авторов, использовались материалы жалобы в Конституционный суд гражданина Филиппова М.С. о нарушении конституционных прав и свобод частью 1 статьи 20.3.3 Кодекса Российской Федерации об Административных правонарушениях.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

3) Пояснения в части статьи 20.33 санируемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 8 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

4) Пояснения в части статьи 28.3 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 20.3.3](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

5) Пояснения в части статьи 28.4 санируемого закона см. в [пояснительной записке к статье 20.3.3.](#)

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 5

1) С 2012 года законодательство об иностранных агентах претерпело сильные изменения.

Если изначально это был пакет поправок к нескольким законам, введенный Федеральным законом от 20.07.2012 N 121-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части регулирования деятельности некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента" и налагающий необременительные, по мнению законодателя, обязанности, такие как маркировка публикаций и сдача отчетов, то к 2023 году законодательство об иностранных агентах приняло откровенно дискриминационный характер. Был принят Федеральный закон от 14.07.2022 N 255-ФЗ "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием" который не только включил в себя и систематизировал почти все нормы касающиеся иностранных агентов, но и добавил новые.

В итоге к 2023 году в России сложилась ситуация, когда административный орган, в данном случае Министерство юстиции, внесудебно накладывает на граждан ограничения в правах, в том числе и конституционных. Произвольное и выборочное применение закона об иностранных агентах приводит и к непредсказуемости

правоотношений. Законопослушный гражданин лишен возможности так выстроить свое поведение, чтобы одновременно не отказаться от своих, Конституцией гарантированных прав, и не рисковать при этом стать иностранным агентом.

Кроме неопределенности в применении закона, он накладывает ряд ограничений на конституционные права граждан. Например, статья 11 закона "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием" прямо запрещает иностранным агентам быть организаторами публичных мероприятий, что является массовым и необоснованным ограничением ст. 31 Конституции, гарантирующей свободу собраний.

Иностранным агентам запрещено преподавание в государственных и муниципальных учреждениях, что является ограничением ст. 37 Конституции гарантирующей право на труд. Иностранец может быть ограничен в допуске к государственной тайне, что в случае с адвокатами ведет к запрету на участие в судебном разбирательстве и кроме запрета на труд, ведет и к ограничению права гражданина на получение квалифицированной юридической помощи.

Иностранец не может быть членом избирательной комиссии, общественных наблюдательных комиссий, совещательных и экспертных советов при органах государственной власти.

Перечисленный в статье 11 Закона объем ограничений налагаемых на иностранных агентов значительно усложняет работу НКО ориентированных на правозащиту или распространение информации.

Признание российского средства массовой информации иностранным агентом, ведет к невозможности продолжения деятельности СМИ в России. Такие СМИ вынуждены или закрываться (Новая газета, Адвокатская улица) или покидать Россию (Телеканал Дождь, издания Медуза, Медиазона).

Институт иностранных агентов используется не только для стигматизации НКО, граждан и незарегистрированных объединений, но и для запугивания всех граждан России. Коммуникации и сделки с иностранными агентами стали токсичны. С 2022 года в пресс-релизах Минюста об объявлении того или иного лица иностранным агентом стали появляться такие основания как: “давал комментарии СМИ признанному иностранным агентом”, “публиковал материалы СМИ признанного иностранным агентом”, а финансированием из иностранных источников стало признаваться оплата иностранным агентом по самой обычной гражданской сделке.

Закрепилась практика квалификации “иностранным финансированием” гонорара адвоката, полученного от российского НКО признанного иностранным агентом, что резко усложняет работу правозащитных организаций-иностранцев, ранее на постоянной основе нанимавших адвокатов для защиты граждан от политических преследований.

В СМИ контролируемых государством, формируется образ иностранного агента как “врага народа”, а преследование их вызывает одобрение и требование дальнейших репрессий. В сентябре 2019 года в государственной думе создана специальная комиссия по расследованию фактов вмешательства иностранных государств во внутренние дела России. Основной работой комиссии, кроме создания информационных поводов для пропаганды и разжигания ненависти, является

разработка нормативной базы по ужесточению положения иностранных агентов.

По качеству закона об иностранных агентах выносил свое суждение и Европейский суд по правам человека, который подчеркивал, что невозможно с достаточной степенью предсказуемости предусмотреть, какое финансирование и какие источники финансирования будут квалифицироваться как “иностранное финансирование” для целей признания в качестве “иностранного агента”. Правовая норма об иностранном финансировании, допускающая на практике его чрезмерно расширительное и непредсказуемое толкование, не отвечает требованию “качества закона” и лишает возможности регулировать свое финансовое положение (*Ecodefence and Others v. Russia*, № 9988/13, 14 June 2022).

Уже во втором абзаце доклада Министерства юстиции от 28 апреля 2023 года о “контроле за деятельностью лиц находящихся под иностранным влиянием” идет привязка иностранных агентов к “антироссийским санкциям” введенным из-за военного вторжения России в Украину:

“Наряду с экономическими рычагами и активной военной помощью украинскому нацистскому режиму западными странами была развернута широкая информационно-пропагандистская кампания по дискредитации действий государственных органов Российской Федерации и ее Вооруженных Сил. В качестве основного инструментария для оказания дестабилизирующего влияния на внутреннюю и внешнюю политику Российской Федерации западными государствами был традиционно задействован российский некоммерческий сектор прозападной ориентации и общественные круги, негативно настроенные к властям”.

Сам доклад наполнен пропагандистскими клише и несмотря на то, что прямо оценочные характеристики в нем не проговариваются, они легко считываются из контекста.

Министерство юстиции отдельно подчеркивает, что НКО “прозападной ориентации и общественные круги, негативно настроенные к властям” не поддерживают войну в Украине, занимаясь дискредитацией Вооруженных сил России.

Минюст перечисляя количество НКО и размеры их иностранной поддержки, отдельно акцентирует внимание на том, насколько эта поддержка снизилась именно у НКО иностранных агентов.

Как перечень деятельности послужившей основанием для включения в реестр иностранных агентов, в докладе Минюстом упомянуты призывы к проведению митингов и пикетов против войны в Украине, негативные мнение и суждения о действиях президента и Вооруженных сил в Украине, а также поддержка Алексея Навального и выдвинутой им стратегии умного голосования.

Из доклада министерства юстиции становится очевидно, что законодательство об иностранных агентов в первую очередь используется для цензуры и подавления инакомыслия, поскольку основанием для признания лица иностранным агентом, стало открытое несогласие либо сомнение в правильности действий российских властей.

Первоначально заявленный как нейтральный, закон об иностранных агентах стал одним из инструментов борьбы российских властей с оппозицией.

Существование правовых норм подобного содержания, невозможно в современном демократическом обществе, основанном на уважении личности, свободе слова и политическом плюрализме и по этой причине, институт иностранных агентов должен быть отменен полностью.

Одновременно с введением термина “иностраный агент” и развития правовых ограничений иностранных агентов, в российский закон введены и санкции за нарушение иностранными агентами наложенных на них обязанностей. Это статья 19.34 Кодекса об административных правонарушениях “Нарушение порядка деятельности иностранного агента” и ст. 330.1 Уголовного кодекса “Уклонение от исполнения обязанностей, предусмотренных законодательством Российской Федерации об иностранных агентах”.

Также были внесены изменения в ранее существующую ст. 239 Уголовного кодекса “Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права гражданина” и в ней появилось упоминание об иностранных агентах.

Ликвидация в российском праве института иностранных агентов влечет за собой необходимость отмены не только закона "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием", но и внесение изменений в другие федеральные законы, нормы которых также регламентировали положение, обязанности или ответственность иностранных агентов. Это Федеральные законы "Об общественных объединениях", "О некоммерческих организациях", Уголовный кодекс и Кодекс об административных правонарушениях.

В Уголовном кодексе необходимо отменить статью 330.1, устанавливающую уголовную ответственность иностранных агентов, а в Кодексе об административных

правонарушениях статью 19.34, устанавливающую административную ответственность иностранных агентов.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 6

1) Пояснения в части статьи 1 saniруемого закона см. в [пояснительной записке к статье 31](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

2) Пояснения в части статьи 32 saniруемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 5 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 7

1) Пояснения в части статьи 38 saniруемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 5 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 8

1) Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации». Принят Государственной думой 27 декабря 2012, одобрен Советом Федерации 28 декабря 2012 года, подписан Президентом и вступил в силу 1 января 2013 года (так называемый закон «Димы Яковлева»).

Закон запрещает усыновление детей из России гражданами США и прекращает действие заключенного с США соглашения по вопросам усыновления. Кроме того, закон вводит запрет на въезд и другие санкции против граждан США, причастных к нарушениям прав человека или к нарушению прав российских граждан, создает возможность внесудебной приостановки деятельности российских НКО, получающих финансирование из американских источников.

Законопроект был внесен в Госдуму 10 декабря 2012 года как «ответный шаг» на принятый в США «акт Магнитского», который вводил санкции против ряда российских должностных лиц, причастных, по мнению американских властей, к гибели юриста Сергея Магнитского. Изначально, российский «ответ» содержал только статьи, позволяющие создать аналогичный санкционный список против граждан США, — именно в таком виде законопроект был внесен в Госдуму и одобрен ею в первом чтении. Положения о запрете на усыновление и санкциях против российских НКО были добавлены в законопроект только ко второму чтению.

Разработка и принятие поправок в этот закон, определяющих понятие «нежелательная организация», проходили в 2015 году в контексте обсуждения различных вариантов контрсанкций против США и Евросоюза. В сопроводительной

записке к законопроекту необходимость его принятия обосновывается противодействием международному терроризму и экстремизму, однако, сам автор закона, депутат Госдумы Александр Тарнавский, неоднократно упоминал иностранные коммерческие компании как объект регулирования данного закона, другие депутаты предлагали проверить на «нежелательность» конкретные иностранные и российские НКО. И по факту, и по смыслу закон стал развитием «антисиротского закона» в части ограничения деятельности НКО, взаимодействующих с иностранными организациями и фондами. И если первоначально в государственных СМИ закон “Димы Яковлева” презентовался под популистским лозунгом заботы о русских детях и недопустимости “торговли детьми”, то за десять лет существования закона он полностью эволюционировал в сторону прямой и непосредственной борьбы российских властей с независимыми НКО.

Принятие нормы о признании деятельности НКО нежелательной на территории Российской Федерации, а также введение административной и уголовной ответственности за участие в деятельности этой организации привело к прекращению работы в России ряда крупных фондов (National Endowment for Democracy, European Endowment for Democracy, фонд Андрея Сахарова), независимых и расследовательских СМИ (Медуза, Важные истории, Insider, Bellingcat, Новая газета, Телеканал Дождь). России была прекращена деятельность Фонда по борьбе с коррупцией и Transparency International - организаций специализирующихся на противодействии коррупции, прекращена работа природозащитных организаций: Greenpeace и World Wildlife Fund.

Процесс принятия решения Генеральной прокуратурой о “нежелательности работы” в России тех или иных организаций полностью закрытый, мотивировки о

признании организации “нежелательной” расплывчатые. В ряде случаев Генеральная прокуратура открыто сообщает, что признание деятельности нежелательной, обусловлено легальной работой организации, которая по политическим мотивам не устраивает власти. Например, в пресс-релизе о признании нежелательным деятельности Фонда “Право-София”, международная правозащитная группа “Агора” указано: “В своей деятельности организация делает акцент на освещении и тиражировании фактов якобы ущемления прав и свобод граждан в России, оказании юридической помощи оппозиционерам с выраженной антироссийской позицией, включая сторонников признанных экстремистскими организаций”. Ни одно из перечисленных действий не запрещено законом. Упрек адресованный правозащитной организации в том, что она защищала оппозиционеров, прямо говорит о политической мотивированности принятого решения.

В случае же с признанием деятельности Bellingcat Ltd., Stichting Bellingcat, The Insider и «Института правовой инициативы Центральной и Восточной Европы» (CEELI Institute) Генеральная прокуратура ограничилась указанием того, что их деятельность представляет угрозу основам конституционного строя и безопасности Российской Федерации, без уточнения того, в чем эта деятельность выражалась.

В отличие от закона о "О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием", закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» не содержит положений предусматривающих основания и механизм исключения из реестра организаций деятельность которых нежелательна в России.

В 2015 году во исполнение закона, в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях была введена статья 20.33, предусматривающая ответственность за участие в деятельности “нежелательной организации”, а в Уголовный кодекс статья 284.1, предусматривающая ответственность за участие в деятельности “нежелательной организации” лица ранее привлеченного к административной ответственности по ст. 20.33 КОАП. В последующем эти нормы развивались и ужесточались. Так, срок привлечения к административной ответственности увеличился с трех месяцев до двух лет - срок идентичный сроку привлечения к уголовной ответственности по преступлениям небольшой тяжести, а в статье 284.1 УК были разделены по отдельным составам организация, участие и финансирование нежелательных организаций, административная преюдиция упрощена: если в первоначальном варианте уголовная ответственность возникала при участии в деятельности после двух привлечений к административной ответственности в течении года, то теперь достаточно было одного привлечения к административной ответственности

Сведения о количестве дел об административном правонарушении возбужденном по ст. 20.33 КОАП и ст. 284.1 УК в статистике судебного департамента отдельно не выделяются, но достоверно известно о вынесении приговоров по семи уголовным делам. Все приговоры обвинительные и все осужденные в той или иной форме были связаны со структурами оппозиционного политика Михаила Ходорковского.

Правоприменение по ст. 20.33 КОАП и ст. 284.1 УК сложилось таким образом, что состав административного правонарушения или уголовного преступления может быть обнаружен в репосте любой публикации нежелательной организации, в любой

публикации содержащей ее логотип или символику. В качестве примера можно привести дело пенсионера из Краснодара Леонида Малявина, который на своей страничке в Facebook опубликовал научную статью из публичной группы “Атеисты” о том, что в Китае испанские ученые впервые смогли создать гибрид человека и обезьяны. В публикации была ссылка на статью издания Open Media и содержался ее логотип. По мнению обвинения, издание Open Media является проектом организации Open Russia, деятельность которой признана на территории России нежелательной, что привело к возбуждению уголовного дела и серии обысков в Краснодаре и Ейске.

Возбуждение только этого уголовного дела привело к закрытию сайтов двух СМИ: Open Media и МБХ Медиа, а сформировавшаяся практика уголовного преследования за публикации нежелательных организаций, привели к самостоятельной вычистке из российского сегмента интернета репостов этих публикаций уже самими пользователями.

Состав статьи 284.1 УК законодателем определен как формальный и образуется благодаря административной преюдиции. Суды России рассматривают публикацию в интернете как “длящееся правонарушение”, ввиду чего уголовная ответственность возникает и за репосты материалов нежелательных организаций, опубликованные в интернете до признания этих организаций нежелательными.

Благодаря такому подходу, статьи 20.33 КОАП и 284.1 УК, стали универсальным и эффективным инструментом политической цензуры в интернете. То обстоятельство, что уголовному преследованию подвергались исключительно лица связанные со структурами Михаила Ходорковского, дает основание утверждать, что правовой институт “нежелательных организаций” использовался исключительно для борьбы с

оппозицией, прекращением ее финансирования и подавлением свободы слова. Такое правоприменение не согласуется с положениями статьи 1 Конституции России, определившей Российскую Федерацию демократическим государством, 29 гарантирующей каждому свободу мысли и слова и 32, наделившей граждан Российской Федерации правом участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей.

Федеральный закон «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» подлежит отмене. Одновременно необходимо внести корреспондирующие поправки в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовный кодекс.

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

В части статьи 9

1) Пояснения в части статьи 26 saniруемого закона см. в [пояснительной записке в части статьи 8 настоящего закона](#).

Автор данной поправки и пояснительной записки к ней: [Михаил Б](#)

Данный документ создан на сервисе [Санация права](#) 30.11.2023 07:48 UTC.

**ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ К ПРОЕКТУ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА "О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ
ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ"**

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не потребует выделения дополнительных бюджетных ассигнований из федерального бюджета.

**ПЕРЕЧЕНЬ ФЕДЕРАЛЬНЫХ ЗАКОНОВ, ПОДЛЕЖАЩИХ ПРИЗНАНИЮ
УТРАТИВШИМИ СИЛУ, ПРИОСТАНОВЛЕНИЮ, ИЗМЕНЕНИЮ И
ПРИНЯТИЮ В СВЯЗИ С ПРОЕКТОМ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О
ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ОТДЕЛЬНЫЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ АКТЫ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»**

Принятие Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» не потребует признания утратившими силу, приостановления, изменения и принятия федеральных законов.